

В.ВИНДЕЛЬБАНД

SUB SPECIE AETERNITATIS*
(МЕДИТАЦИЯ)

отδα γῆρ ὄτ... οἱ... γοῖ τ... δ... ταῦτα σα...
дорет са... δόх...
Платон**

При рождении и смерти, когда образы жизни появляются и исчезают, люди говорят об изменчивости и тленности, о времени и вечности, и дивятся они, как вещи озаряются дневным светом действительности, и как они потом снова погружаются в ночь небытия. Но страшнее всего кажется мне этот темный поток, в котором мы все живем, когда ничто не совершается и ничто не изменяется. Когда я в одиночестве смотрю на часовую стрелку, бессмысленнодвигающуюся от черты к черте, или когда безмолвной ночью считаю удары моего пульса, я содрогаюсь, созерцая, как капли настоящего падают из неведомой высоты в неведомую глубину.

Но демоническое в ощущении пустого времени и его стихийно-равномерного отлива заключается все же, если вдуматься глубже, в том, что я знаю, какая сила разрушения, разложения и раздробления таится в этом постоянном падении капель времени. Правда, я понимаю, что всё возникновение и уничтожение, всё созидание и разрушение не творится временем, а лишь совершается во времени; но я знаю также, что

* Под знаком вечности (лат.).

** Я знаю, что лишь немногие так думают и могут думать (греч.).

пустое время, как и пустое пространство, есть то загадочное ничто, вне которого мне недоступно никакое нечто.

Чем более я углубляюсь в эту равнодушную и бессмысленную основу всего, что мне дорого, тем непонятнее и тревожнее становится она для меня. Безначально и бесконечно простирается она позади меня и впереди меня, и я, не зная почему, убежден, что в этом повинна не слабость моего зрения, препятствующая мне проникнуть достаточно далеко, а что никогда не могло быть начала и не может быть конца этому вечно ровному течению.

Перед лицом бесконечного исчезают меры, с которыми я привык сравнивать конечное. Тысячи лет подобны одному дню для взора, пытающегося – тщетно – охватить весь поток времени. Как глупо кажется тогда все, что мы делаем, чтобы придать большую долговечность преходящему! Не все ли равно, проложим ли мы больший или меньший отрезок пути в бесконечность? Ведь все будет опять сметено! Чем помогает нам надежда на то, что память о нас и о наших стремлениях переживает на некоторое время нашу жизнь? Время, которое не щадит планет, справится и с нашими пирамидами. Неудержимо несется всё величие человеческой истории в пропасть бесконечного будущего. Наши книги и памятники, все то, с помощью чего мы надеемся избежать забвения на несколько десятилетий или несколько тысячелетий, не есть ли это перед лицом бесконечного тщетная попытка вычерпать море? Все наши гордые творения, которые как будто так прочно и надежно созданы и предназначены для далекого будущего, не более чем свайные постройки над потоком забвения!

Меня учили, что всю эту преходящую переживает моя душа: она так же не может быть уничтожена, как само время. Не знаю, так ли это; это еще никто не доказал и никто не опроверг. Но одно я знаю твердо: бесконечная продолжительность жизни сама по себе ничем бы мне не помогла. Мир меняется во мне и вне меня. Всё, что составляет содержание моих представлений, моих чувств и желаний, – всё это выступает во времени и исчезает во времени. Если я не могу быть уничтожен, то, быть может, я и не создан? Да и что мне известно о том, что было со мной до моего рождения? И если мне суждено, подобно Агасферу, влачить бесконечные дни, видя, как во мне и вне меня все время возникает и исчезает нечто новое, стоит ли это усилий и бремени бытия?

Что представляют себе люди при мысли об этой бесконечной продолжительности их жизни?

Если обыкновенный человек, в своей потребности к счастью, радуется мысли об этом «бессмертии», то он хочет лишь черпать из бесконечной глубины времен бесконечные наслаждения. Если человек с более высокими побуждениями, неудовлетворенный тем, что ему дано было совершить здесь, требует для себя всю бесконечность времени, то ценность будущей жизни лежит для него не в этой безграничной продолжительности, а в полноте нравственной деятельности, к которой она должна ему дать доступ; бесконечное существование потеряло бы для него смысл, если бы он без этого содержания своей жизни должен был бы просто продолжать существовать.

Бесконечная продолжительность жизни не освобождает меня от власти времени, она еще сильнее подчиняет меня ей. Нерушимость моего бытия сама по себе не представляет для меня ценности. Лишь элементарное и грубое восприятие преклоняется перед этой brutальной прочностью, в которой каждый камень превосходит лучшую из моих мыслей. От бренности, присущей временному существу, не избавляет меня и бесконечное существование. Возвыситься над этим я могу лишь посредством содержания, посредством ценности моего существования, лишь в том случае, если во временном течении моей жизни есть нечто, превышающее всякое временное определение, если я смогу понять это и сделать его содержанием своего бытия. Безграничное продолжение жизни имеет для меня ценность лишь постольку, поскольку оно позволит мне, быть может, в более высокой форме достигнуть того, что, если это вообще возможно, я могу обрести уже теперь. Освобождение от времени и его изменчивости маячит не в невообразимой дали времен, а в каждом мгновении, в котором мне удастся уничтожить время в себе самом.

Поэтому мне представляется малоутешительным то, что имеют в виду большинство людей, противопоставляя времени вечность. Слыша постоянно разговоры на эту тему, я вижу, что под вечностью люди подразумевают только безграничное будущее. Их вечность, в сущности говоря, не что иное, как само время в противоположность временным величинам, обладающим лишь ограниченной продолжительностью. Поэтому пусть не говорят, что в этом представлении побеждено время, ибо в его основе лежит именно время со всей присущей его созерцанию бесконечностью. А я задаю теперь вопрос не о продолжительности моей жизни, а о возможности вневременного существования.

Но не надо требовать слишком многого! Вне времени, в уничтожении времени, я ищу вечность — не глупое ли это, не невозможное ли

желание? Ведь я сам со всеми моими силами и действиями пребываю во времени, и если оно — всемогущий властитель всех вещей, то как я могу уничтожить его в себе?

Передо мной открывается, по-видимому, путь, которым шли уже многие. Мне тяжело считать нечто столь бессодержательное и бессмысленное, как пустое время, основой всего действительного. Но, глядя на вещи, я вынужден согласиться с этим; ибо я никогда не обнаруживал ни во мне, ни вне меня ничего, что не занимало бы места в этом пустом времени и не определялось бы своим отношением к предыдущему и последующему. Но эта необходимость воспринимать каждое содержание моего представления во временном порядке — не основана ли она не на содержании, а лишь на законе моей способности представлять? Это необозримое целое, которое я, к тому же, не могу полагать в каком-либо ясно выраженном и точно определенном отношении к отдельным временным величинам и которое, как я помню, само не есть даже предмет моего опыта, не является ли оно только формой моего представления, которой не соответствует действительность? Страшный образ бренности, который заставлял меня содрогаться, был бы тогда лишь фантомом, которым я сам запугивал себя.

Если бы это было так, с меня спало бы большое Бремя и в другом отношении. Самые тяжелые сомнения, часто обуревавшие меня, вызывались именно тем, что я принужден был видеть во всех явлениях, пронесившихся мимо меня в потоке времени, известный тайный ритм, сообразно которому форма движения постоянно повторяется; и согласно этому ритму все, что всплывает наружу в чреде вещей и их жизни, может быть понято так, что становится ясно, почему оно должно было возникнуть и почему оно снова должно исчезнуть. И я должен был, далее, допустить, что к числу того, что в этом ритмическом движении приходит и уходит, принадлежит и каждое желание, и воление, пробуждающееся во мне или в другом или во многих и обнаруживающееся, как оценка вещей и их состояний, людей и их дел. Итак, все эти желания и оценки, каково бы ни было их содержание, равно необходимы; одни из них распространены в более узком кругу, другие — в более широком, одни держатся дольше, другие — меньше; и в конце концов одно всегда сменяет в этом ритме другое. Я же до того думал, что есть идеалы, к которым должен стремиться не я один, а каждый человек; мне было безразлично, как я пришел к вере в них; я знал лишь, что я стремлюсь к ним, пока я их знаю, и что, к сожалению, мне самому лишь редко удавалось согласовать с ними мои

поступки. Но если и это все лишь простые желания, тысячекратно образующиеся как создания времени в ритме душевной жизни, то откуда же у меня право судить по этим желаниям других людей, и почему собственно я сам должен чувствовать себя связанным ими в столь часто мучительной и подавляющей меня форме, как это было до сих пор?

Если я смотрю на мои идеалы только как на продукты, которые в бесконечном движении явлений приходят и уходят, как и все остальное, а как часто я слышал, что это и есть единственный научный взгляд, то я перестаю считать их более ценными, чем всю массу остальных желаний. Если каждое из этих желаний так же необходимо, как и другое, то весь вопрос только в том, которое из них действует с наибольшей энергией. Если представление вещей во времени и уяснение необходимого процесса их возникновения есть последнее слово, которое может сказать наука об этих вопросах, то я не понимаю, как может еще сохраниться долг, который должен иметь значение всегда и для всех без исключения. Находиться в оковах созерцания времени — таков, боюсь, наследственный грех интеллекта.

Так попытаюсь же я освободиться от этого заблуждения! Как покров, лежало оно на моих глазах, и мерцающее беспокойство возникновения и уничтожения застилало мне чистую картину действительности; я увижу ее ясно, если удалю форму времени от истинной сущности вещей. Я снимаю покров — и стою ослепленный: я ничего не вижу более. Сразу исчезла манящая жизненность, с которой до того обступали меня вещи, исчез и упорядочивающий ритм, в котором они прежде проходили передо мной: в холодном покое лежит передо мной хаос. Для света это вечности не созданы мои глаза.

Впервые мне становится теперь ясно, что я мог выносить головокружительное разнообразие воспринимаемых мною впечатлений только потому, что они располагались передо мной во временном порядке. Только потому я был господином над ними, что я мыслил их находящимися в движении и изменении. Противоречивое я мог согласовать, относя его к различному времени: мне казалось позволительным думать, что вещь приобретает с течением времени одно качество и теряет другое. Теперь же, когда я должен сразу охватить все эти состояния в одном общем вневременном представлении, я принужден приписывать вещи известное качество и отказывать ей в нем. Но тогда я теряю способность размышлять о вещах; я всецело отдан во власть моих хаотических впечатлений.

Теперь я понимаю также, почему те, кто искали вневременного познания мира, приходили к утверждению действительности противоречивого и объявляли войну рассудочному мышлению, прикованному к закону противоречия. Кто хочет охватить мыслью во вневременном соединении все то, что для других людей может быть согласовано только при различии во временных определениях, для того вещи суть то, что они не суть; и не суть то, что они суть. Но скорее уж я откажусь от вневременного познания мира, чем от закона моего мышления.

Если я, несмотря на это, хочу познать мир как он есть во вневременной вечности, то мне не остается ничего иного, как отбросить вместе с созерцанием во времени и все эти определения, которые мне известны только в их проявлении во времени. Тогда я обретаю, правда, возвышенное представление о чем-то вечном, неизменном, покойно в себе пребывающем. Но у меня нет более содержания, которое я мог бы вложить в это нечто; ибо каждое качество, которое я себе представляю, принадлежит к миру временных явлений. Вневременное бытие я могу себе представить только как абстрактную субстанцию, которая есть ничто и из которой ничего не может выйти. Конечно, это вневременное нечто стоит высоко над волнением единичных вещей, известных мне из опыта; мир исчез под ним; но нет от него пути назад в этот сияющий красками мир явлений, солнце которого светит моей жизни.

Мир, в котором ничто не происходит, и для меня ничто; я не могу его познать, я не могу даже представить себе его. Все формы моего мышления приурочены к отношениям во времени, в которых только и возможно движение и изменение, но которые и неизбежно влекут за собой движение и изменение. Я содрогался перед картиной мира, в бурлящем потоке которого ничто не стоит на месте; но я еще более содрогаюсь перед картиной мира, в котором ничто не может произойти, ничто не может быть сделано и изменено. Против этого воззрения с непреодолимой силой восстает моя воля; и даже если бы я мог считать всю изменчивость внешнего мира лишь формой представления, то сама смена моих представлений не есть уже нечто, лишь представляемое.

Если я исключу из моего познания все отношения во времени, к которым только и могут быть применены формы моего мышления, то мне останутся либо массы переработанных впечатлений, либо пустые абстракции. Мое мышление, которое и само сознается мною как процесс во времени, неразрывно связано с временем. Нет п о з н а н и я м и р а *sub specie aeternitatis*. Всею силой моей мысли я не могу освободиться от

времени в том смысле, чтобы познать что-либо вневременное. Все мои суждения относятся к подчиненному времени миру, отдельные явления которого возникают и исчезают. Даже общие суждения, которые я называю законами природы и назначение которых – познавать этот постоянный ритм движения во времени, содержат формы последовательности событий: они потеряли бы смысл, если бы я мысленно уничтожил возможность следования явлений во времени; и они также не открывают мне, хотя многие это утверждают, вневременное бытие.

Так я действительно погружен в бесконечный поток времени и должен отказаться от желания возвыситься над ним и достигнуть вневременного? Вечность закрыта для моего познания. Но разве я не владею ничем иным? Не обладаю иным сознанием помимо того, которое связывает в суждения данные мне определения действительности?

Я забыл бы о самом себе, если бы стал отрицать, что, помимо всей действительности, образующей предмет моих суждений, я обладаю сознанием того, что действительно должно быть, – что действительно должно быть, прежде всего, во мне самом. Исходя из этого, я оцениваю то, что есть, и прежде всего то, что я познаю как мою собственную деятельность.

Правда, это мое убеждение и связанная с ним оценка также сложились во мне, я могу и их подвергнуть рассмотрению во времени, чтобы установить, что заставило меня в соответствии с ритмом всего происходящего довести их до моего сознания. Но весь этот очень сложный процесс, к которому я должен обратиться для такого объяснения, не имеет никакого значения по отношению к абсолютной ценности, которая присуща содержанию этого сознания и убеждает меня, что именно оно должно служить нормой всей действительности.

Все, что я познаю как действительное, обязано своим происхождением какому-то другому действительному, и ему угрожают силы действительности: оно возникло и исчезнет. И то, чего мы желаем и к чему стремимся при особых обстоятельствах действительности, ради особых возникших из движения времени целей, подлежит только генетическому рассмотрению. Но я знаю, есть цели, имеющие абсолютную значимость, – определения, которые должны быть, независимо от того, осуществляет ли их действительность в своем временном процессе или нет.

Вневременным, вечным не может быть ничто из того, что — в смысле эмпирического познания – есть. Ибо я не знаю и не могу познать никакого бытия, которое бы не возникло и не было бы преходящим.

Вневременное, вечное для моего мышления и помимания – лишь то, что значимо без необходимости быть. Называя это «идеальным бытием», «высшей действительностью», «истинным бытием», *ōstōjōy*, вещью в себе, всегда имели в виду то, что значимо, если оно и не предстает в нашем опыте как действительное. Мое знание ограничено тем, что действительно есть, но я обладаю сознанием того, что должно быть. Моя совесть учит меня вневременным определениям, возвышающимся над всем движением погруженной во время действительности. Свет вечности сияет для меня не в знании, а в совести.

Если для моего мышления вечно не то, что есть в доступной опыту действительности, а то, что должно быть, то я понимаю, почему моему познанию никогда не удастся мыслить мир вне времени и почему я все-таки убежден, что мне дано освобождение от времени. Вечность не хочет быть познана, она хочет быть пережита. Когда я сосредотачиваюсь на том, что должно быть, когда я делаю своей целью то, что имеет вневременное значение, тогда я возвышаюсь над миром, доступным моему познанию; тогда я, пребывая во времени, все-таки нахожусь во вневременном и вечном. Когда мое сознание приобщается к вечному, я возвышаюсь над временем и его движением; тогда во мне царит то, что время не может ни создать, ни разрушить, то, что во мне как в существе, определенном временем, появляется во времени и исчезает во времени, но по своему содержанию имеет вневременное значение.

Так, среди волн времени во мне может родиться вечное. Когда то, что должно быть, появляется в моем сознании, мне в моем прикованном ко времени мышлении кажется, что оно существует уже давно, «с начала времен», и я должен был только «вспомнить» о нем. В священные часы такого воспоминания я забываю о действительном мире, и меня заполняет вневременная вечность. Принадлежать ей, погрузиться всем своим бытием в это вечное долженствование – мое истинное и полное, мое единственное блаженство.

Правда, слишком редки эти моменты, когда мир времени исчезает для меня и мое существо возвышается до вечности. Ценность их вознаграждает за их кратковременность. Но когда я озираюсь на людей и всматриваюсь в их жизнь и деятельность, то я не могу скрыть от себя, что наслаждение этой вечностью дано всем нам лишь в малой степени, а многим и совсем не дано. Кто вжился в стихийную жизнь будничных потребностей, кто опутан сетью своих желаний и страстей, направленных на временное и преходящее, или в тупом равнодушии плетет нить своей

деятельности, тот, быть может, никогда не возвысится до такого сознания ценности, выходящей за пределы всякого времени.

Лишь в этой связи становится мне понятным встретившееся мне учение, что бессмертие — не дар, данный всем с колыбели, а благо, которое мы должны обрести и которое доступно не всем. Я не могу постичь, как это учение можно примирить с обычным представлением о бессмертии. Если бесконечная жизнь принадлежит сущности души, то я не понимаю почему это относится только к некоторым людям; если же она не принадлежит сущности души, то я не знаю, какими средствами одна душа может обрести ту долговечность, в которой отказано другим. Но если понимать под бессмертием отрешение от временного существа, возвышение сознания до уровня вечности, то я понимаю, как эту безвременность можно обрести в жизни, и знаю также, что это возвышение многим остается неведомым от колыбели до могилы. Они плывут без всякой цели в великом потоке и не знают, где берег, к которому можно пристать.

Следовательно, среди перемен моей жизни в меня проникает неизменное, вечное в образе сознания ценности. Тогда отпадает мое незначительное существование со всеми его интересами, основанными на временном ходе вещей, и нечто общезначимое, сверхиндивидуальное поднимается из глубин моей жизни. В такие мгновения я вновь рождаюсь из вечности: в мое временное существование вступает вечность. Загадка «возрождения» и состоит, как я вижу, в том, что я забываю самого себя. До тех пор, пока причина моего мышления, чувствования и воления коренится в моей определенной временем индивидуальности, они сливаются с шумом вещей; но как только их основой становится сознание общезначимости, они поднимаются из темного хаоса времени в эфир вечности. Чтобы быть бессмертным, я должен умереть. Лучшее, что я как индивид могу сделать, — это забыть себя и обратиться к общезначимому, господствующему над всеми нами как мера и цель.

Это вечное, общезначимое, за которое я цепляюсь, чтобы найти твердую опору в потоке времени, — люди могут называть его как хотят! Я приближаюсь к нему, когда в серьезном исследовании подчиняю свои мысли строгой норме и пытаюсь понять ритм происходящего, который в качестве пребывающего в изменяемости отражает величие вечности; я переживаю его, когда высшие блага человечества заставляют сильнее биться мое сердце и вечное веление, торжествуя победу, возвышается во мне над всеми моими желаниями; я наслаждаюсь им, когда в бесстрастном созерцании впитываю чистую картину вещей такой, какой она должна

являться всем. Все сводится к тому, чтобы временное превратилось для меня во вневременное, сущее в то, что должно быть. Мы твердо верим в вечность, когда из хаоса мнений спасаемся в спокойную ясность науки, когда страстный напор наших желаний замирает перед властным сознанием нравственности, когда, отрешившись от всех желаний, мы успокаиваемся в искусстве.

Перевод с немецкого *М.И.Левиной*